

Лошакова Татьяна Витальевна

К ВОПРОСУ О РЕЦЕПЦИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА В ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1940-1960-Х ГГ.

В статье рассматривается вопрос о причинах и характере экзистенциализации художественного мышления в польской литературе послевоенного времени. Наиболее последовательно экзистенциальное мировидение оформилось в завершенную эстетическую систему в творчестве Т. Боровского и Т. Ружевица. Экзистенциальные параметры их художественного мышления обусловлены трагическим опытом войны. Позже актуализации проблем, близких "философии жизни", во многом способствовали появившиеся в Польше переводы Ж.-П. Сартра и А. Камю, а также неприятие официально насаждаемой в Польской Народной Республике эстетики социалистического реализма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. I. С. 99-102. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

функции деепричастия. В целом же осмысление грамматических явлений в русле семантико-функционального подхода способствует расширению наших представлений о речемыслительной деятельности человека и позволяет говорить об особенностях отражения в тексте языковой картины мира.

Список литературы

1. Бегенева Е. И. Вторые и второстепенные сказуемые в составе русского предложения. Милан, 2001. 112 с.
2. Белявцева И. В. Деепричастный оборот в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1999. 143 с.
3. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1978. 439 с.
4. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. М., 1961. Ч. 1/2. 776 с.
5. Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: понятийный словарь-справочник. Воронеж, 2004. 400 с.
6. Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994. 280 с.
7. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л., 1978. 387 с.
8. Мухин А. М. Морфологические категории и функциональный синтаксис. СПб., 2002. 172 с.
9. Национальный корпус русского языка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgora.ru/> (дата обращения: 23.02.2013).
10. Потенция А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1/2. 536 с.
11. Розенталь Д. Э. Современный русский язык. М., 2002. 448 с.
12. Чупашева О. М. Грамматика русского деепричастия: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2010. 44 с.
13. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. 620 с.

SECOND PREDICATE REPRESENTED BY ADVERBIAL PARTICIPLE IN SYSTEM OF PREDICATIVE MEANS

Kudryavtseva Tat'yana Yur'evna
Voronezh State University
tatiana-k2304@yandex.ru

The author discusses the problem of determining the place of the second active-process predicate in the system of predicative means, basing on nominative-pragmatic paradigm states that adverbial participle, correlated with the clause of a sentence and being the representative of the second predicate, conditions its qualities and properties, and tells that the identification of distinctive features of the second active-process predicate allows not only significantly enhancing the understanding of adverbial participle syntactic function, but also coming to the conclusion about the multi-level system of predicative means in the structure of the Russian sentence.

Key words and phrases: first predicate; second predicate; second active-process predicate; secondary predicate; basic proposition; nonbasic proposition; adverbial participle.

УДК 821.162.1

Филологические науки

В статье рассматривается вопрос о причинах и характере экзистенциализации художественного мышления в польской литературе послевоенного времени. Наиболее последовательно экзистенциальное мировидение оформилось в завершенную эстетическую систему в творчестве Т. Боровского и Т. Ружевица. Экзистенциальные параметры их художественного мышления обусловлены трагическим опытом войны. Позже актуализации проблем, близких «философии жизни», во многом способствовали появившиеся в Польше переводы Ж.-П. Сартра и А. Камю, а также неприятие официально насаждаемой в Польской Народной Республике эстетики социалистического реализма.

Ключевые слова и фразы: стихийный экзистенциализм; книжный экзистенциализм; онтологическая проблематика; концепция человека.

Лошакова Татьяна Витальевна, к. пед. н., доцент

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (филиал) в г. Северодвинске
tatyanaloshakova@yandex.ru

К ВОПРОСУ О РЕЦЕПЦИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА В ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1940-1960-Х ГГ. ©

Одно из характерных свойств литературы XX века – ее диалог с научной, гуманитарной мыслью эпохи. «Целые периоды художественной жизни в наше столетие, – писал по этому поводу А. Зверев, – проходят под знаком активного и заинтересованного овладения теориями или целыми философскими системами, оказывающими <...> самое непосредственное воздействие на искусство» [6, с. 32].

После второй мировой войны статус влиятельной философской системы приобрел экзистенциализм, выступивший одновременно и в философском, и в литературном облике. Сосредоточенный на «познании человеческого существования и познании мира через человеческое существование» [1, с. 18], он оказался актуальным и максимально востребованным в контексте катастрофических событий эпохи. Характеризуя такого рода тенденции, Е. В. Волкова пишет: «Чем менее ценилась личность в эпоху глобальных катастроф XX века, тем более о её ценности говорили философия и искусство. Уже русская религиозная философия начала XX века отстаивала мысль о том, что идея вечного не есть отвлеченное благо, а суть принадлежащего мне, требующего моего личного участия. Только в этой личностной укорененности в бытии происходит обнаружение и вопрошание высшего смысла» [4, с. 33].

Европейская литература, стремившаяся рассказать о потрясениях, каких история человечества еще не знала, была поставлена перед необходимостью заново осмысливать сложность и противоречивость такого феномена, как человек. Тем самым был дан толчок к сближению художественного мышления с философским экзистенциализмом.

После окончания войны к проблемам «философии существования» обращались и польские писатели, стремясь постичь историю и понять те пугающе новые экзистенциальные грани, которые она выявила в личности человека. «Поэтическая проекция подобных духовных процессов, – отмечает В. Мацёнг, – возникает уже в годы войны, уже тогда становится очевидной та истина, что человек, попавший в —кюесо истории” и сумевший уцелеть, не сможет —еубстанционально” оставаться тем же существом, каким он был прежде, поскольку он подвергся жесточайшему воздействию извне. И несколько лет спустя об этом начнут говорить многие писатели» [16, s. 178].

В числе писателей, в послевоенном творчестве которых осязательно проявилась экзистенциальная тенденция в создаваемой художественной концепции личности, обнаруживалось стремление исследовать психологические первоосновы человека, его витальные ценности, следует назвать имена З. Налковской, Т. Боровского, Т. Ружевица. Публикация их произведений [3; 7; 19] началась в период, когда так называемого «книжного» экзистенциализма в Польше еще не существовало. Поэтому можно полагать, что для польских писателей импульсом к постановке проблем, носивших ярко выраженный экзистенциальный характер, созвучный мироощущению Г. Марселя, Ж.-П. Сартра, А. Камю, К. Ясперса и их единомышленников, послужили не книжные источники, а потрясенность человеческого существования, преломившаяся в личных судьбах писателей и их современников, более того, определившая историческую перспективу в жизни многих европейских народов. В литературе пережитая трагедия отражалась с позиции экзистенциального сознания; антивоенный пафос перерастал в пафос экзистенциальный, акцент ставился на конкретной личности человека, на его свободе выбора в мире, в котором Бог «отсутствует», на возможности человека быть собой (подлинная экзистенция) или не быть собой (неподлинная экзистенция).

Данный феномен можно обозначить как экзистенциализм «стихийный». Его интенсивное развитие в польской литературе пришлось на вторую половину 1940-х. За несколько лет (1945-1948 гг.), свободных от идеологической цензуры, произошли существенные сдвиги в художественном сознании, шел напряженный поиск новых форм и средств художественной выразительности, которые могли бы адекватно отразить опыт войны, бедны истории и человеческой души.

В этот период почти одновременно появляются художественные тексты, относящиеся к единому онтологическому смысловому пространству. Написанные разными авторами, они в равной мере сосредоточены на проблемах экзистенциального сознания, которое «рассматривает человека, существующего на уровне его первичных реакций, определяющего свои онтологические, психические, метафизические пределы» [5, с. 32]. Так, в 1946 году выходит сборник миниатюр З. Налковской «Медальоны» [7], в основе которого проблемы, затрагивающие онтологические сферы бытия. Они составили содержание подтекста «Медальонов» – книги, «выражавшей удивление, что это люди людям уготовили такую судьбу» [17, s. 770].

Своим рассказам Налковская придает форму художественного документа. В основе его – факты, излагаемые свидетелями и жертвами недавних событий – простыми людьми, которым, по словам К. Выки, «ни права истории, ни метафизика не объясняют ничего из пережитого кошмара, потому что не вмещаются в их познание мира» [22, s. 214]. Источник драматизма в рассказах – не только горечь и боль утрат. Свидетельствующие вышли за пределы нормального сознания, приняв как неизбежное противостественные вещи: издевательства, состояние отчужденности, одиночества, страха, насильственную смерть.

В «Медальонах» имплицитно и одна из главных идей религиозного экзистенциализма – мысль о личной вине, ответственности каждого человека, и прежде всего интеллектуальной элиты, за «реальность концентрационных лагерей», за «согласованное движение по кругу пытающих и пытаемых», за «утрату человеческого облика», за всё то, что в целом составляет «опасность, которая страшнее атомной бомбы, так как она угрожает душе человека» [11, с. 161]. Вскрывается Налковской и одна из причин воцарения в мире тоталитарных режимов. Она в человеческом сознании, находящемся в плену расовых, национальных, классовых, конфессиональных предубеждений. Тоталитаризм обращает в свою пользу варварские соблазны такого рода ненависти. И в этом аспекте лагерь представляет собой точную социально-психологическую модель тоталитарного, а отчасти и любого общества. Эта мысль имплицитно идеологическим строем «Медальонов». Об этом же прямо писал в своей малой прозе и бывший узник Освенцима Т. Боровский. Ориентируясь на личный «отрицательный опыт», он сумел показать феномен лагеря и фашизма в более широкой целостности человеческого мира. «—Мдальоны” Налковской, – замечает по этому поводу Н. Старосельская, – книга-документ, книга-крик – была написана не столько писателем, сколько потрясенным участником комиссии по расследованию гитлеровских преступлений в Польше. Налковская пережила шок, когда перед ней

открылась бездна. Это стало своего рода барьером боли и страха. Боровский бездну прошел и вернулся в мир. И увидел, что ничего не изменилось» [9, с. 45].

В сборнике освенцимских рассказов писателя «Прощание с Марией» (1948 г.) [2] представлена гротескная деэволюция человеческого сознания, показан сам лагерь и «путь» к нему не только отдельного человека, но и мира в целом: то его движение к бездне, которое поэт из шаламовского рассказа «Шерри-бренди» определил словами «мир в дороге» [10, с. 76].

Боровский, как и Налковская, был движим в своем творчестве неведомой ранее заботой о будущем человека – «заботой о сохранении самой природы человека» и человечества, оказавшегося на краю «разверзшейся бездны» [11, с. 160].

Над судьбой «ущелвевших», но «зараженных смертью» [8, с. 7-8] размышляет в своих произведениях (драме, поэзии, прозе) Т. Ружевич. Проблемы, заявленные в его дебютной поэтической книге «Беспокойство» (1947) [19], окажутся доминирующими и в дальнейшем творчестве писателя, будут эволюционировать, приобретать новые смысловые акценты, сохраняя при этом свою экзистенциальную ориентацию, философское «беспокойство» о личности и судьбе современного человека, внутренне искаленного, принимающего свою экзистенциальную пустоту как кару и жаждущего – через отрицание – вновь обрести сокровенный смысл, способный смягчить отчаяние, вернуть «расколотому миру» (Ф. Ницше) единство.

Следует сделать оговорку о том, что «книжный» экзистенциализм не был для литературы послевоенной Польши чем-то неизвестным. Реализацию экзистенциалистской концепции мира и человека, в которой ощутило влияние идей М. Хайдеггера, польские исследователи склонны видеть в литературе межвоенного периода, в частности, в творчестве В. Гомбровича («Фердидурке», 1937 г.), Е. Анджеевского («Лад сердца», 1938 г.).

Сразу после войны об экзистенциализме как о новом направлении французской словесности польские литераторы дискутировали на страницах журналов «*Kuźnica*», «*Tw gzość*», «*Nurt*». Именно тогда появилось ставшее крылатым высказывание А. Сандаура: «В предсентябрьскую эпоху все мы были немного экзистенциалистами. Сейчас все это кажется мне несколько запоздалым» [20]. Таким – «запоздалым», не вписывающимся в современную действительность, кризисным – представлялось известному польскому критику мировоззрение Сартра и Камю. Данную точку зрения разделяли далеко не все участники дискуссии, но в конце 1940-х экзистенциализм в обеих его версиях – философской и литературной – был официально атрибутирован как явление, враждебное марксистскому учению, и, соответственно, был отвергнут идеологами социалистического реализма. Кроме того, экзистенциализм не мог рассчитывать на сочувственное отношение со стороны Католической Церкви, которая видела в нем апологию индивидуализма, пессимизма, скептицизма [14, с. 28]. Возможно, по этой причине и Г. Марсель, начиная с 1950 года, открыто возражал, когда критика причисляла его к религиозным экзистенциалистам.

Переломным для сложившейся ситуации стал 1956 год, ознаменовавший начало идеологической «оттепели». В течение двух лет (1956-1958 гг.) польский читатель получил возможность познакомиться с вершинными художественными сочинениями А. Камю («Посторонний», «Чума», «Падение», «Калигула»), а также с самыми значительными драмами, романами и рассказами Ж.-П. Сартра («Дороги свободы», «Стена», «Перед закрытой дверью» и др.) [21, с. 409]. Философские работы французских мыслителей на польский язык не переводились, что сказалось в дальнейшем на характере рецепции экзистенциализма: польская словесность была ориентирована на его образно-художественную версию.

Однако по-прежнему, как и десятилетием ранее, отношение к экзистенциализму в Польше не было однозначным; ценность его для польской литературы многим представлялась сомнительной. Тем не менее, каким бы сложным, противоречивым не было отношение польской интеллигенции к экзистенциализму, правы те критики, которые видят в нем реальный и не упущенный польскими писателями шанс освободиться от канонизированных схем соцреализма, найти новые ориентиры для развития [15, с. 58].

В конце 1950-х в Польше появляются произведения экзистенциалистского характера – первые образцы так называемой «черной» литературы, создававшейся преимущественно молодыми писателями (М. Новаковский, М. Хласко и др.) [13; 18]. Их интересовала в первую очередь проблема свободы и самоидентификации человека. Не случайно в «экзистенциализме молодой литературы» (А. Киёвский) польская критика усмотрела полемику с соцреализмом как творческой доктрины. По словам С. Буркота, молодые «официальному оптимизму – «социалистической» литературы противопоставляли «черную» литературу, показухе центральных улиц города – переулки окраин, герою, живущему проблемами производства, – человека антиобщественного» [12, с. 125]. Преодолевая эстетические формы, навязываемые соцреализмом, писатели «новой волны» открывали свою правду, заключавшуюся в изображении сложных, зачастую мрачных, противоречий действительности.

Своеобразным компасом в творческих исканиях оставалась экзистенциальная философия для ряда писателей и в последующие десятилетия. Экзистенциалистская эстетика заявляет о себе и по-разному преломляется в творчестве К. Брандыса, Е. Анджеевского, Я. Ивашкевича, М. Хласко, Б. Чешко, А. Вата, Э. Стахуры и др. «Есть все основания утверждать, – отмечает В. П. Ведица, – что распространение в польской литературе получил не столько экзистенциализм как целостная философская система, сколько ряд моментов, выдвигаемых теоретиками и литературными практиками экзистенциализма в качестве внутренней основы их учения, в действительности же подсказанных конкретной исторической или социально-бытовой ситуацией» [3, с. 45-46].

Таким образом, если во второй половине 1940-х экзистенциальная проблематика в польской литературе была актуализирована трагическими событиями Второй мировой войны, то позже – на изломе 1950-х – отторжением образцов официально насаждаемой в Польской Народной Республике литературы социалистического реализма, бунтом против всего, что ограничивает свободу личности либо нивелирует личность как таковую.

Список литературы

1. Бердяев Н. Самопознание. М.: ЗАО «Плюс-Минус», 2004. 330 с.
2. Боровский Т. Прощание с Марией / пер. с пол.; под ред. С. Тонконоговой. М.: Художественная литература, 1989. 429 с.
3. Ведица В. П. Послевоенная польская проза. Проблематика и поэтика. Киев: Наукова думка, 1980. 312 с.
4. Волкова Е. В. Трагический парадокс Варлама Шаламова. М.: Республика, 1998. 176 с.
5. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. М.: Флинта; Наука, 2002. 204 с.
6. Зверев А. XX век как литературная эпоха // Вопросы литературы. 1992. № 2. С. 3-57.
7. Налковская З. Медальоны // Налковская З. Избранное. М.: Художественная литература, 1979. С. 413-458.
8. Ружевич Т. Уцелевший // Польские поэты XX века: антология: в 2-х т. / пер. с польск., составл., предисл. Н. Астафьевой, В. Британишского. СПб.: Алетейя, 2000. Т. 2. С. 7-8.
9. Старосельская Н. Возвращенные имена // Литературное обозрение. 1991. № 9. С. 44-49.
10. Шаламов В. Шерри-бренди // Шаламов В. Избранное. СПб.: Азбука-классика, 2002. С. 74-80.
11. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с.
12. Burkot S. Zofia Nałkowska «Medaliony» // Burkot S. Proza powojenna. 1945-1980. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1984. S. 111-125.
13. Hlasko M. Pierwszy krok w chmurach. Warszawa: Da Capo, 1994. 254 s.
14. Januszkiewicz M. Tropami egzystencjalizmu w literaturze polskiej XX wieku. Poznań: UAM, 1998. 218 s.
15. Kisiel M. Z problem w świadomości literackiej przełomu 1955-1959 w Polsce. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego 1999. 148 s.
16. Maciąg W. Nasz wiek XX. Przewodnie idee literatury polskiej. 1918-1980. Wrocław – Warszawa – Krak w: Ossolineum, 1992. 320 s.
17. Nałkowska Z. Pisma wybrane. Warszawa: Czytelnik, 1956. T. 2. 776 s.
18. Nowakowski M. Silna gorączka. Warszawa: Czytelnik, 1963. 219 s.
19. Różewicz T. Niepok j. Wyb r wierszy. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 2000.
20. Sandauer S. Parę uwag o egzystencjalizmie // Odrodzenie. 1945. № 26.
21. Tomkowski J. Idee w literaturze (Literatura polska XX wieku wobec gł wnych kierunk w myśli wsp lczesnej) // Słownik literatury polskiej XX wieku / red. A. Brodzka, M. Puchalska i in. Wrocław: Ossolineum, 1992. S. 250-308.
22. Wyka K. Pogranicze powieści. Warszawa: Czytelnik, 1974. 502 s.

ON QUESTION OF EXISTENTIALISM RECEPTION IN POLISH LITERATURE OF THE 1940-1960S

Loshakova Tat'yana Vital'evna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
North (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Branch) in Severodvinsk
tatyanaloshakova@yandex.ru

The author considers the questions of reasons and nature of artistic thinking existentialization in the Polish literature of the postwar period. The most consistent existential world view was transformed into a complete aesthetic system in the creative works of T. Borovskii and T. Ruzhevich. The existential parameters of their artistic thinking were conditioned by the tragic experience of war. Later the translations of J.-P. Sartre and A. Camus that appeared in Poland and also the rejection of socialist realism aesthetics officially inculcated in the Polish People's Republic greatly contributed to the actualization of problems related to "philosophy of life".

Key words and phrases: spontaneous existentialism; book existentialism; ontological problematics; conception of man.

УДК 81

Филологические науки

В статье проанализировано сочетание различных языковых средств в речевых актах выражения зависти и ревности, определена роль этих средств в процессе коммуникации, их зависимость от прагматических условий диалога. Комбинаторика языковых средств показана на примерах художественных текстов из произведений английских и американских писателей. Автор статьи акцентирует внимание на тех языковых средствах, которые способствуют достижению максимального иллюкутивного и перлокутивного эффектов от эмоционального настроя говорящего в речевом акте выражения зависти и ревности.

Ключевые слова и фразы: речевой акт; зависть; ревность; языковые средства; эмоциональность; экспрессивность.

Матыцина Марина Станиславовна

*Липецкий государственный технический университет
lipmarina@gmail.com*

**КОМБИНАТОРИКА СРЕДСТВ ЯЗЫКА ПРИ ВЫРАЖЕНИИ ЗАВИСТИ И РЕВНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ)©**

В настоящее время теория речевых актов включается в широко понимаемую лингвистическую прагматику. Прагматика может служить в качестве инструментария для объяснения различных семантических и